

Шолом-Алейхем

КРОВАВАЯ ШУТКА

Шолом-Алейхем

Кровавая шутка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18695383

Аннотация

«Кровавая шутка» – произведение писателя, классика еврейской и мировой литературы Шолом-Алейхема (1859 – 1916).*** Это самый неизвестный роман автора. Он начал писать его в 1911 году, когда узнал о пресловутом «деле Бейлиса», а закончил в январе 1913-го, до того, как Бейлис, ложно обвиненный в «ритуальном убийстве» христианского мальчика, был оправдан судом присяжных. Сюжет таков. Два друга, закончивших гимназию, – еврей из местечка и русский дворянин из знатной семьи – решились на рискованную шутку. Затеяв извечный спор о том, есть ли антисемитизм в России, они обменялись документами, чтобы пожить некоторое время под чужим именем в незнакомой обстановке. Для русского Попова, ставшего на год Рабиновичем, шутка оборачивается большими неприятностями. Во избежание навязчивых ассоциаций все собрания сочинений Шолом-Алейхема выходили в России без «Кровавой шутки». Отдельным изданием в переводе на русский язык роман впервые вышел после 1928 года.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Шолом-Алейхем

Кровавая шутка

Перевод Д. Гликман

Часть первая

Глава 1 ОБМЕН

Далеко за полночь в отдельном кабинете модного ресторана «Слон» кутила компания молодёжи. Ещё очень юные, едва вышедшие из отрочества, они всей душой наслаждались и обстановкой ресторанного ужина, и ярким светом электрических ламп, и звуками оркестра, доносившимися из общего зала. Чокаясь, смеясь, болтая без умолку, они веселились жадно впитывая атмосферу свободы, только открывшейся перед ними.

То была компания товарищей, только что выпущенных из гимназии. Они праздновали окончание томительного гимназического курса и последнюю встречу перед тем, как разбредиться по университетам. Кто знает, придётся ли ещё встретиться когда-либо?

Прощальные тосты были часты и обильны. Юные лица покраснели, глаза потускнели, лбы покрылись потом.

– Ещё вина!

– Шампанского!

«Uuvenes dum summus» – в десятый раз затянул весёлый

брюнет с розовыми щеками и живым взглядом...

И хор молодых голосов, нестройный, но звонкий, но звонкий подхватил:

Post jucundam juventutem,
Post molestan senectutem
Nos habebit humus¹.

– Эй, Гершка, чего нос на квинту повесил? – обратился запевала к юноше, сидевшему одиноко в стороне, с опущенной головой.

– Оставь его, Гриша, – отозвался один из товарищей, – он уже готов! Лизнул здорово!

– Ты глуп! – отвечал Гриша. – Гершка не может быть пьян. Он принадлежит к нации трезвенников.

Гриша подошёл к Гершке и щёлкнул его по лбу. Тот поднял голову. В лице его не было ничего типичного для семита. Гриша гораздо более походил на еврея. Даже носом с горбинкой, этим наиболее ярким признаком семита, природа наделила русского Гришу, оставив еврею Гершке только глубокий, полный затаённой «еврейской скорби» взгляд...

– Что с тобой, Гершка?

Гриша подсел к товарищу и, наклонившись, участливо заглянул в его глаза.

¹ Слова из старинной и традиционной студенческой песни «Будем веселиться»: «Будем веселиться, пока мы молоды! После приятной юности, после тягостной старости примет нас земля».

Гершка пытался улыбнуться:

– Ничего особенного. Голова разболелась.

– Неправда. Ты чем-то озабочен. Я весь вечер слежу за тобой. Не пытайся меня обмануть: ведь я тебя, брат, хорошо знаю.

– Но если бы ты меня знал ещё лучше, то...

– Что тогда?

– Ты не задал бы мне этого вопроса. Знал бы и без того, что я не ровня вам и не могу веселиться наравне с вами.

– Почему?

Гершка усмехнулся и, ожесточённо жестикулируя, заговорил:

– Потому что вы веселитесь от души, всеми фибрами впитывая радость...

– А ты?

– А я... не могу... Не имею права. Между мной и радостью – стена. У меня свое *memento mori*², я еврей.

– Какой вздор!

Гриша резко отодвинул стул.

– Я пытаюсь забыть, но не могу. А если и удастся забыть, кто-нибудь тотчас напомнит мне об этом.

Гриша снова подвинулся к товарищу:

– Гершка, ты жаловаться не можешь. Мы все твои товарищи...

² Помни о смерти (лат.) – напоминание не только о смерти, но и об угрожающей опасности.

– Кто говорит о тебе и товарищах? Но мир существует и за стенами гимназии. Есть люди на земле и кроме вас. А там – ад, о котором вы не имеете представления. Если бы ты побыл хоть год в моей шкуре, то понял бы, почувствовал бы...

Гриша задумался. Потом тряхнул копной густых чёрных волос.

– Знаешь ли, что я тебе скажу?

– Что?

– Давай меняться!

Оба расхохотались.

– Тебе легко шутить: тебя зовут Гришей, а не Гершкой...

– Давай меняться! – повторил Гриша серьёзным тоном.

Но Гершка продолжал:

– Если бы тебя звали Гершкой и тебя коснулся циркуляр о процентной норме...

– Не мели вздора... Какое отношение имеет к тебе процентная норма? Ведь у тебя золотая медаль.

– Грош ей цена! Мало ли медалистов осталось в прошлом году за бортом? Им пришлось продать последнюю пару штанов, чтоб сколотить деньги на душераздирающую телеграмму министру.

– Ну?

– Ну-ну.

– Что «ну-ну»?

– Дурень ты, вот что! Им даже не ответили. Помилуйте! «Жида» осмелились телеграфно побеспокоить его высоко-

превосходительство! Какова наглость! Хорошо ещё, что их не засадили в узилище. Они отделались высылкой из города, потому что истёк срок их права на жительство. То же будет и со мной.

– Вздор! С тобой этого случиться не может: у тебя медаль!

– Мул длинноухий! Далась тебе эта медаль! Затвердила сорока Якова...

– Так вот, я и предлагаю тебе обменяться положениями.

– Экое несчастье: вы, русские, никак не можете понять нас!..

– Тьфу! С тобой не сговоришься. Даже в пот бросило.

Гриша вытер лоб и, смеясь, придвинулся к Гершке, схватил его руку:

– Выслушай Гершка: я серьёзно предлагаю тебе обмен.

Гершка как будто теперь только расслышал то, что упорно повторял Гриша.

– Какой обмен?

– Аттестатный. Ты отдашь мне свой аттестат с пятёрками, я тебе – свой, с тройками сплошь. Ты станешь Гришей, я – Гершкой. Раскусил?

– Ты что – спятил или глупо шутишь?

Гриша перекрестился. Гершка расхохотался, и Гриша вслед за ним. Потом Гриша снова заговорил очень серьёзно:

– Ты ведь хотел, чтоб я побыл в твоей шкуре хоть один год. Не так страшен чёрт, как его малюют! Навсегда обменяться тебе не предложу, но на один год – это куда ни шло!.. Будь

ты Гришей Поповым, а мне позволь стать Гершкой Рабиновичем. Понял, наконец? Или ещё вдолбить тебе надо? Мы обменяемся и аттестатами, и паспортами. Чего ты уставился на меня? Я не пьян и не шучу. Говорю серьёзно. Послушай, я знаю тебя и знаю многих молодых евреев. Все вы вечно твердите, что евреи – несчастнейшая нация. И тому подобное. Не понимаю. Вернее сказать, понять могу, но прочувствовать не сумею... Понимаешь? А я хочу почувствовать. Хочу побывать в твоей шкуре хоть недолго... Год побыть евреем и самому ощутить вкус еврейства. Уразумел? Мы сейчас при товарищах заключим договор: дадим друг другу слово, что всё, что ни случится за этот год, мы вычеркнем из своей жизни... И ни одна собака не должна знать, что ты – ты, а я – я, то бишь... ты – ты... Тьфу! Я хотел сказать, что ты – я, а я – ты... Ну, по рукам, что ли?

Гришка протянул руку. Гершка усиленно тёр лоб и глядел на товарища, как человек, который не может решить: друг ли его рехнулся или он сам? Потом порывисто протянул руку Грише. Тот поднялся, подвёл Гершку к товарищам, продолжавшим галдеть за общим столом. Ударив по столу так, что стаканы зазвенели, Гриша указал другой рукой на Гершку, смущённо стоявшего рядом, и звонким, чистым голосом крикнул:

– Молчание, товарищи!

Мгновенно воцарилась тишина... Все взоры обратились к Грише и ошеломлённому Гершке. Гриша встал в позу при-

сяжного оратора и поднял руку...

Глава 2

СДЕЛКА СОСТОЯЛАСЬ

– Товарищи, – начал Гриша, – к вам обращается не Гриша Попов, а другой ваш товарищ – Гершка Рабинович. Не подумайте, что я сошёл с ума или пьян. Могу вас уверить, что я в здравом уме и твёрдой памяти и никогда ещё не был так трезв, как в настоящую минуту. Дело, о котором я хочу говорить, просто. Наш товарищ, который носил имя Гершка Рабинович, а теперь зовётся Гришей Поповым (вы сейчас узнаете, как это произошло), принадлежал к нации, которую не любят и преследуют почти на всём земном шаре. Мы не знаем, откуда и почему возникла эта дикая ненависть; да и незачем нам сейчас углубляться в исследование вопроса, кто больше виноват: преследуемые или преследователи, угнетаемые или угнетатели. Возможно, что обе стороны правы по-своему и обе виноваты. Мы только знаем, что сильнейший находит в слабейшем все пороки, а слабейший уверяет, что он не хуже других, а может быть, и лучше... Это не так легко решить, да я и не знаю, кому дано право судить целый народ. Я думаю, что обе стороны не соблюдают меры. Я убеждён, что мы, христиане, далеко не так ненавидим евреев, как это им кажется. Я даже думаю, что евреи вовсе не так уж страдают в нашей стране, как они пытаются представить... Спору нет, нерадостно быть объектом ненависти всего мира. Но в

этом, если хотите, есть и своя доля прелести и своеобразной гордости: лучше числиться в рядах преследуемых, чем преследователей. Во всяком случае, не так страшен чёрт, как его малюют. Эту свою мысль я высказал товарищу Гершке... виноват... товарищу Грише. Он на это возразил, что мне, мол, легко говорить, потому что я не еврей.

Если бы я, сказал он, побыл в его шкуре хотя бы один год, я понял бы, что это значит... Его слова поколебали мою уверенность. Возможно, что он прав! Действительно, для того чтобы осуждать или оправдывать, надо побывать в положении обвиняемого. И я предложил Гершке обменяться с ним аттестатами, именами и паспортами сроком на один год. Иначе говоря, с этого момента я уже – не Григорий Иванович Попов, а Герш Мовшевич Рабинович; он – не Рабинович, а Григорий Иванович Попов. Он уезжает с моими документами в университет, а я – с его бумагами. Правда, он утверждает, что с ними не так-то просто попасть в университет, но мне кажется, что это – вздор! С золотой медалью в руках... Плевать!

– Bravo! – грохнула компания, неистово аплодируя.

Гриша остановил их.

– Товарищи, – продолжал он, – я доверил вам серьёзную тайну и требую от вас двух вещей: во-первых, вы должны поздравить нас с переменой ролей, а во-вторых – погодите, я ещё не кончил! – а во-вторых, дать мне слово, клятву, что всё сказанное здесь мною навсегда останется тайной. Кро-

ме присутствующих здесь, ни одна живая душа ни теперь, ни даже по прошествии условленного года ничего не должна знать обо всей этой истории. Тайна должна вместе с нами в уйти в могилу!

– Клянёмся! Клянёмся! – воскликнули товарищи.

– Я заклинаю вас всем, что для вас свято, что тот, кто разболтает наш секрет, – клятвопреступник! А теперь я предлагаю наполнить бокалы и провозгласить здравицу тому, что раньше был Гершкой Рабиновичем, а с этого момента стал Григорием Ивановичем Поповым! Пожелаем ему счастья! Да здравствует Григорий Иванович Попов! Ур-ра-а!..

Энтузиазм, охвативший молодёжь, совершенно не поддаётся описанию. О том, что все обязались хранить свято и нерушимо данную клятву, и говорить не приходится. А о том, что все присоединились к заключительным словам тоста, лучше всего свидетельствовали осушенные до дна бокалы. Превращение Гриши в Гершку до такой степени восхитило компанию, что оба героя тут же обменялись не только документами, но – по настоянию товарищей – и платьем. Новая буря восторга, по поводу переодевания, вылилась в весёлую, дикую пляску. Когда общее возбуждение несколько улеглось, встал новоявленный Григорий Иванович Попов и обратился к товарищам:

– Наш общий друг Гриша Попов, или, как он теперь называется, Гершка Рабинович, затеял шутку, которая неожиданно окончилась довольно серьёзно. Совершенно невозможно

предугадать, чем эта шутка окончится. О том, кто в данном случае сделал лучший «гешефт»³ (как видите, во мне ещё сильно сказывается бывший Рабинович: «гешефт»), знаю я и те из вас, у кого котелок ещё варит...

Если вы этого не понимаете, я не виноват. Об одном только я хочу просить вас, дорогие друзья: так как наш Гриша, то бишь Гершка, заключил со мной условие на целый год и так как неизвестно, что с каждым из нас может случиться, – я хотел бы внести в наш договор один пункт: если кому-нибудь из нас придётся уж черезчур круто...

– Никаких новых пунктов! – вскочил с места бывший Гриша Попов. – Никаких условий! Сделано – и баста!

– Баста! – подкрепила компания.

– Быть посему! – крикнул новокрещённый Гершка Рабинович.

– Быть посему! – поддержал хор.

Бывший Рабинович подошёл к своему товарищу:

– Ну, смотри, Герш Мовшевич Рабинович, не каяться!

– Каяться? – сказал с презрительной улыбкой бывший Попов. – Поповы, то есть Рабиновичи, ещё никогда не каялись! Я – сын народа, который, чёрт возьми, прошёл огонь и воду и медные трубы! Мои прадеды, которых угнетали египетские фараоны, воздвигли вечные пирамиды и прославленные историей города Содом и Гоморру – пардон! – Фивы и Размес – и достаточно натерпелись, пока выбрались в землю Хана-

³ Бизнес.

анскую!.. А когда они осели в Ханаане, явился Валтасар... тьфу! – Навуходоносор, разрушил наш храм, заковал в цепи наших братьев и сестёр и увёл нас в варварский Вавилон. Оттуда (я делаю порядичный скачок и пропускаю Амана, Агасфера и К^о, так как уже светает!) нас загнали в католическую Испанию, где нас ждала «священная инквизиция»... Помните, товарищи, чего натерпелись мои предки от инквизиции!.. Аутодафе, эшафоты, резня, четвертование!..

– Bravo, Гершка, bravo! – ревели аудитория и подлинный Рабинович вместе со всеми. – Артист! Истинный артист! До такой степени войти в роль! Говорить с таким подъёмом, с огнём в глазах и без единой усмешки о таких, в сущности, чуждых вещах может, конечно, только артист. И кто бы теперь поверил, что это не Гершка Рабинович, а Григорий Попов? Нет, вы только взгляните на это семитическое лицо, на эти чисто еврейские глаза!.. Даже нос как будто ещё больше выгорбился! Bravo, Гершка, bravo! Бис! Бис!

* * *

Уже совсем рассвело, когда молодёжь покинула ресторан и разошлась по домам. Гриша с Гершкой уселись на одного извозчика: им предстояло ещё обстоятельно поговорить, передать друг другу целый ряд подробностей из своего прошлого, сговориться о многом, прежде чем разойтись в разные стороны и войти в новую роль уже по-настоящему.

Многообещающая шутка стала реальностью.

Глава 3

«СДАЁТСЯ КОМНАТА»

В большом университетском городе к началу учебного года было заметно большое оживление. Кончились каникулы, открылись гимназии, политехникум, университет и другие учебные заведения.

Из ближайших городов и местечек со всего района понаехали родители с детьми всех возрастов.

Особое оживление царит среди родителей. Молодые мамы, расфранченные по последней моде, обивают пороги всевозможного начальства: директоров, инспекторов, учителей...

Книжные торговцы и бумажные фабриканты заполнили витрины своих магазинов свеженьким товаром, готовясь продавать, менять – словом, всеми силами, как истые патриоты, служить делу отечественного просвещения.

Портные и магазины готового платья, охваченные теми же патриотическими чувствами, выставили всё самое модное – от элегантного мундира с блестящими пуговицами до заурядных серых штанишек.

Не уступают в патриотизме и меховщики, и шапочники. Окна их магазинов ломятся от шапок, фуражек, кепи и шляп с гербами, орлами, кантами и околышами.

В других магазинах выставлены ранцы, ботинки, гало-

ши, сласти, папиросы... Даже колбасники, состоящие, казалось бы, в довольно отдалённом родстве с просвещением, и те жаждут содействовать прогрессу: они выставили колбасу, ветчину и прочие яства, ради которых в голодную минуту пошлѣшь к чёрту всю культуру...

Гостиницы, заезжие дома, рестораны и кафе набиты до отказа приезжими отцами, матерями и ребятами. А на окнах домов по всем почти улицам красуются билетики: «Сдаётся комната».

Хозяева этих комнат уже наперѣд знают своих будущих квартирантов. То будет либо одинокий студент, обладатель единственной пары штанов, двух рубах и груды книг, либо курсистка, сменившая ныне стриженные волосы и аскетизм на короткую и узкую юбку... Во всяком случае, обстановка этих комнат вполне приспособлена «для одинокого». Тут вы найдѣте выдавшую виды железную койку, такой же умывальник (совершенно не терпящий прикосновения к себе по причине застарелого ревматизма), столик и стул. И тот и другой имеют свои достоинства и недостатки. Основным достоинством стола является то, что он может служить одновременно и письменным столом, и обеденным, и каким ещё угодно. Что же касается недостатков, то они коренятся, собственно, не столько в самом столе, сколько в его ящике. Это – удивительный ящик! У него характерная особенность: выдвинутый из стола, он ни за что не вдвинется обратно; если же вам удастся его задвинуть, то открыть его уже невозможно.

Вы попытаетесь вытянуть его – и весь стол потянется за вами. Тогда вы попробуете открыть ящик обеими руками снизу. Но эта безумная затея будет иметь predetermined результат: задние ножки стола подозрительно подымутся и весь стол с книгами, чернильницей и графином воды пойдёт на вас... Поэтому рекомендуется просто забыть о ящике и делать вид, что он вам ни к чему...

В комнате есть ещё стул. С первого взгляда он кажется таким же нормальным, как и все так называемые «венские стулья»: лёгок, крепок, удобен. Это его достоинства. А недостаток всего один: не хватает самого сиденья. Оно, пожалуй, и было, но поистрепалось...

Однако бросим эту тему и обратим внимание на хозяев, сдающих комнату, и на субъекта, пришедшего её снимать.

Сарра Шапиро – хозяйка, ещё совсем молодая смуглая женщина, – стояла у плиты. Засучив рукава, она готовила обед, а её дочь Бетти, очаровательная, цветущая девушка лет 18–20, – читала газету. Раздался резкий звонок.

– Ещё какой-нибудь тип – комнату смотреть! – сказала мать дочери, прося её открыть дверь.

Дочь неохотно оторвалась от газеты, пошла к дверям и через минуту вернулась в сопровождении бритого молодого человека с тощим чемоданом в руках.

Окинув опытным взглядом хозяйки жалкий чемодан и самого владельца, Сарра Шапиро решила, что он комнату не снимет, и попросила (по-еврейски) дочь назвать цену.

Дочь назвала солидную цифру, но молодой человек не смутился и попросил показать ему комнату. Мадам Шапиро оторвалась от плиты, оправила рукава и собственной персоне пошла показывать помещение.

Войдя в комнату, вполне соответствующую вышеприведенному описанию, молодой человек стал разглядывать мать и дочь и, недолго думая, заявил, что комната ему подходит. Мадам Шапиро ещё раз напомнила ему о цене, но будущий жилец спокойно возразил, что этот вопрос не имеет значения. Тогда хозяйка сочла нужным заметить, что за полмесяца он должен будет уплатить вперёд. Но квартирант выразил готовность уплатить хотя бы и за весь месяц.

Мадам Шапиро даже струхнула. Это ещё что за несчастье? Пришёл неведомый человек, не глядя, не торгуясь, снял комнату, да ещё предлагает плату за целый месяц вперёд, когда с него требуют только половину?... Кто его знает, что это за «пассажир» такой? Мать переглянулась с дочерью, затем перевела взор на «пассажира» и заметила, что тот не отрываясь смотрит на Бетти. Это ей показалось особенно подозрительным, и она процедила:

– Извините, но у нас тут очень строго... Видите ли, полиция... Вы будете любезны предъявить ваши документы... Паспорт?

– Паспорт? – отозвался молодой человек с милой усмешкой. И, вытащив одной рукой бумагу, он другой взялся за кошелёк. Но тут произошла заминка, умерившая несколько

прыть молодого человека... Сарра Шапиро взглянула на паспорт и прочла вслух «шкловский мещанин Герш Мовшевич Рабинович»...

– Извините, – сказала мать, снова обменявшись взглядами с Бетти, – не знаю, сможете ли вы тут жить... Я не знала, что вы...

– Что я?... – улыбаясь, переспросил Рабинович.

– Что вы из наших... еврей.

– А если я еврей, так что же?...

Молодой человек опустил кошелёк в карман, и все трое переглянулись без слов.

Глава 4

СИЛА МЕДАЛИ

До сих пор разговор шёл на русском языке. Но как только выяснилось, что предъявитель документов – шкловский мещанин, да ещё «Рабинович», Сарра Шапиро решила, что можно не церемониться, и сказала по-еврейски: «Удивляюсь вам! Вы производите впечатление умного человека. Неужели же вы не знаете, что в нашем городе еврей должен иметь право на жительство?»

Однако тирада эта не была оценена по достоинству, так как тот, к кому она относилась, не понял из неё ни слова. Слегка покраснев, он ответил:

– Извините, я не понимаю по-еврейски.

Хозяйка расхохоталась:

– Шкловский мещанин, Рабинович, не понимающий еврейского языка?!

Бетти, до сих пор не принимавшая участия в разговоре, пришла на помощь молодому человеку, обратившись к матери:

– Мало ли нынче молодых людей-евреев, не знающих еврейского языка?

И затем в кратких словах разъяснила будущему квартиранту, что речь идёт о «правожительстве», без которого они не могут сдать комнату, так как обнаружение в еврейском до-

ме бесправного жильца грозит хозяевам лишением их «правожительства» и высылкой в 24 часа.

– Теперь вы, надеюсь, понимаете?

Всё это было сказано с такой очаровательной улыбкой, что, не будь при этом мамыши, наш герой с удовольствием расцеловал бы миловидную девушку... И хотя закон о «правожительстве» был известен ему больше понаслышке, Рабинович притворился прекрасно осведомлённым и возразил, обращаясь к Бетти:

– Всё это, конечно, для меня не ново. Знаменитый закон, который, кстати сказать, давно пора бы выкинуть с прочим хламом в мусорную яму, мне достаточно знаком, хотя я и не здешний. Но в таком случае как же объяснить то, что университет принял мои бумаги?

При слове «университет» оба женских лица просияли, а мать даже хлопнула себя по бёдрам:

– Вот оно что! Стало быть, вы – студент здешнего университета? Чего же вы молчали?

– Разве я молчал? У меня такое впечатление, что мы всё время только и делали, что говорили, – ответил студент с улыбкой, не сводя глаз с хозяйской дочери.

– Значит вы уже приняты? – спросила мамыша. – Ах, вы – медалист? Вот как! Зест ду?⁴

Последние слова были произнесены со вздохом и обращены к дочери. Но Сарра Шапиро тут же спохватилась и объ-

⁴ Видишь?

яснила квартиранту:

– Это я – дочери. У неё, видите ли, есть младший брат, то есть у меня есть сынишка, гимназист третьего класса. Вот я ему и толкую всё время: медаль, медаль, обязательно медаль!.. Но он и ухом не ведёт. Между тем еврей без медали – это всё равно что... что...

Сарра Шапиро так и не подыскала подходящего сравнения, а дочь заметила, что это вообще никчемный разговор: постороннему человеку семейные дела совершенно не интересны. Чтобы переменить тему разговора, она спросила, взглянув на чемодан квартиранта:

– Тут все ваши вещи? Или ещё будут?

– А зачем мне ещё? – ответил он, глубоко заглядывая в её глаза. И добавил взглядом: «Что все вещи в мире в сравнении с твоими прекрасными, умными карими глазами и очаровательными ямочками на щеках?...»

Мать, для которой смысл всей жизни сводился, очевидно, к тому, чтобы сын её был медалистом, сразу встала на сторону квартиранта и обратилась к дочери со вздохом:

– Совершенно верно! Что ему ещё надо? Ведь медаль у него есть?

И, почувствовав сразу особую симпатию к жильцу-медалисту, спросила:

– У вас есть родители?

Для нашего героя этот вопрос был совершеннейшей неожиданностью: он совсем забыл – есть ли у Гершки Раби-

новича отец и мать или только один из родителей?... Он замялся, не зная, что ответить. К счастью, на помощь опять пришла Бетти.

– Мама, – сказала она, – может быть, достаточно экзаменовать нашего жильца? Ты бы лучше спросила, пил ли он чай. Любит моя мамаша поговорить! – добавила она, обращаясь с лукавой усмешкой к Рабиновичу. – Не хотите ли чаю? Имейте в виду, что вам полагается два самовара в день: утром и вечером.

– Почему два самовара? – перебила Сарра. – Три! Утром, днём и вечером.

– Третий самовар вы можете отнести на счёт своей медали, – заметила Бетти, смеясь, и вместе с матерью вышла из комнаты.

Квартирант остался наедине со своим тощим чемоданом и мыслями о «силе медали» и красивой девушке с карими глазами и ямочками на свежих щёчках.

Глава 5

СЕМЬЯ ШАПИРО

Квартирант был доволен своей комнатой. Но ещё больше была довольна своим новым жильцом хозяйка – Сарра Шапиро: какой жизнерадостный, простой, общительный парень!

С первых же дней он заинтересовался хозяйским сынишкой – гимназистом третьего класса. Проэкзаменовал его, нащупал слабые стороны и сам вызвался заниматься с ним. Сарра Шапиро уже давно подумывала о репетиторе для Сёмки. Было бы чудесно, если бы нашёлся студент, который взялся бы заниматься с мальчиком за сходную цену: много платить она не может. «Интересно бы знать, – думала хозяйка о жильце, – сколько он заломит?» И втайне почему-то надеялась, что Рабинович вовсе не возьмёт у неё денег. Она отгадала: жилец не только отказался от платы, но даже высмеял её. С какой стати он будет брать у неё деньги? За что?

– Ну что я говорила? – дразнила свою дочь счастливая Сарра.

– Что ты говорила?

– Ты уже забыла? Разве я не сказала тебе сразу, что он – порядочный человек.

– Ты говорила, что он порядочный человек?

– А что же я говорила?

– По-моему, ты сказала, что он «шлим-мазл»⁵.

– Я говорила, что он «шлим-мазл»?

– А кто же? Я, что ли, говорила?

– Бетти, ты опять за своё: грубишь матери? Выходит, что я вру!

– Никто этого не говорит. Ты просто забыла, а теперь утверждаешь, что он – порядочный человек; а я говорю, что ты говорила: «шлим-мазл».

– «Я говорила» – «ты говорила»! «Ты говорила» – «я говорила»! Кончится это когда-нибудь или этому конца не будет?

Последние слова принадлежали вошедшему в разгар спора хозяину дома Давиду Шапиро, человеку, характерной чертой которого была торопливость, этакая растрёпанность чувств. Он всё делал наспех: говорил быстро, ел быстро, ходил быстро – всё одним духом. На службе (он – бухгалтер большого магазина) он, впрочем, не проявлял этой особенности своей натуры: там он бывал тих, спокоен, без претензий и шуму. Но у себя дома изображал свирепого владыку, деспота... Правда, все эти потуги ни на кого не действовали, жена его посмеивалась над ним, называя его «математиком», «рохмейстером», «швыдким» или «курьерским поездом».

А дети совершенно не считались с ним: они прекрасно знали, что отец любит их больше жизни, готов за них в огонь и в воду. Да и что тут удивительного? Всего-то детей: един-

⁵ «Шлим-мазл» – неудачник, растяпа.

ственная дочь, Бетти, и единственный сын – Сёмка (ласкательно от «Шлёма»), ученик третьего класса, не садившийся за книжку, прежде чем мать не уплатит ему по пятаку за каждый приготовленный урок... Отец, в свою очередь, платил ему по пятаку за каждую полученную в гимназии четвёрку и по двухгривенному – за пятёрку.

– Почему за пятёрку надо платить в четыре раза дороже, чем за четвёрку? – спрашивала мать. – Из какого расчёта?

У Давида Шапиро вообще есть манера ни за что ни про что, так, за здорово живёшь, отчитывать свою супругу и доказывать ей, как дважды два, что она – круглая дура; а в данном случае, когда речь касается расчётов, он чувствует себя особенно задетым.

– Кто тебе виноват, что ты глупа как пробка? – говорит Давид с ядовитой усмешкой. – Ты даже не понимаешь разницы между четвёркой и пятёркой.

– Ну, конечно, где уж мне постигнуть такую премудрость? – отвечает Сарра с едкой улыбочкой. – Такие глубокие вещи доступны только гениальной голове, вроде твоей. Ты ведь математик, рохмейстер... Только чересчур швыдкий...

– Да? Так вот, я тебе сейчас докажу, что ты ни-че-го не понимаешь. По твоему, например, выходит, что разница между четвёркой и пятёркой составляет только единицу? Не так ли? А между тем, если бы у тебя работала голова, ты бы поняла, что тут сложный расчёт. Вот, скажем, твой Сёмка...

– Что значит мой Сёмка? – перебивает Сарра. – Он мой так же, как и твой!

– Ну ладно, мои-твои! Пусть твой Сёмка на выпускных экзаменах получит двенадцать пятёрок. Пять раз двенадцать – это будет сколько? Шестьдесят! Делим шестьдесят на двенадцать – сколько получаем? Пять! Стало быть, он получает золотую медаль!

– Аминь. Дай Господи! – говорит Сарра и набожно закатывает глаза.

– Ну, можно ли с ней разговаривать? – вскипает Давид. – Я хочу ей сделать точный расчёт, а она начинает беседовать с Господом.

– Считай, считай! Кто тебе мешает, математик мой знаменитый? – говорит Сарра таким тоном, что Давид приходит в ещё большее возбуждение и начинает говорить с удвоенной скоростью:

– Итак, при 12 пятёрках он получает золотую медаль. Но что получится, если у него окажется 11 пятёрок и одна четвёрка? Множим 11 на 5. Получаем 55 плюс 4 – 59. Делим на 12 – получаем, но это уж тебе не по силам: тут уж начинаются дроби! Одним словом, не хватает $\frac{1}{12}$ до круглой пятёрки, стало быть он уже получает не золотую, а только серебряную медаль.

– Пускай это будет серебряная! – уступает Сарра со вздохом.

Отец переглядывается с дочерью.

– Видала ты когда-нибудь такую женщину? Не даёт слова сказать!.. Дальше. Допустим теперь, что он получил 7 пятёрок и пять четвёрок, в общей сложности – 55. Делим на 12. Выходит 4 и сколько? И $\frac{7}{12}$! Всё ещё ничего! Скверно будет, если он получит, наоборот, 5 пятёрок и 7 четвёрок. Иначе говоря: 25 плюс 28, всего – 53. Раздели на 12, получишь 4 и $\frac{5}{12}$, то есть на $\frac{1}{12}$ меньше, чем $4\frac{1}{2}$. Если твой Сёмка кончает гимназию с отметкой меньше $4\frac{1}{2}$, то он уже получает кукиш, а не медаль. А если он не получает медали, то он вообще может сидеть дома и не рыпаться!

– Типун тебе на язык! – говорит жена в сердцах, а Давид Шапиро, плюнув, вскакивает с места и бежит обратно на службу, к своим гроссбухам.

Сарра подавлена. Не оттого, конечно, что Давид плюнул: давно известно, что он «Шапиро», а эти «Шапиро» все сумасшедшие! Нет, Сарру гнетёт другая мысль: а вдруг Сёмке действительно не хватит какойнибудь «двенадцатой»? Вздор! Она знать не хочет этих дурацких расчётов: $\frac{7}{12}$, $\frac{13}{12}$! Сёмка должен окончить с медалью, и, с Божьей помощью, он её получит!

Глава 6

ВЕЗЁТ

В сущности, квартирант подвернулся как нельзя более кстати. Теперь особенно остро ощущалась нужда в репетиторе для Сёмки. Платить чрезвычайно трудно. Просто невозможно. Хотя Давид Шапиро служит в одном из крупнейших магазинов города, у людей, мнящих себя аристократами, ему всё же приходится корпеть над книгами с 8 часов утра до 9 часов вечера. А когда он попробовал заикнуться о повышении оклада, ему вежливо дали понять, что он – не единственный бухгалтер в городе, что есть много молодых людей с образованием и медалями, которые охотно пошли бы работать на тех же условиях...

Положение в семье спасают хозяйская деловитость Сарры Шапиро и свирепая экономия. И вот теперь счастливая судьба привела к ним этого парня.

– Бетти! – говорит Сарра дочери, которая всё время сидит над книгой, готовя уроки (она – гимназистка 7-го класса). – Бетти! Он ещё не приходил, этот шлим-мазл?

– Видишь, мама, опять я ловлю тебя на слове! А ты говоришь, что никогда не называла его «шлим-мазл».

– Что ты, милая, когда же я сказала «шлим-мазл»? – искренне удивляется мамаша.

– Мамочка, что с тобой делается? Да ведь вот только что...

– Ты, Бетти, со сна, что ли говоришь?

– Нет, мамочка, это ты со сна говоришь.

– Я не сплю. Бетти, ты скаждым днём становишься грубее!.. Разве можно так говорить с матерью?... Ты меня только перебиваешь! Что я хотела сказать? Да! Может быть, ты бы узнала у него, не согласится ли он, вот этот «шлим»... ну студент этот... репетитовать с вами обоими? С тобой и Сёмкой?

– Не «репетитовать», мамочка, а репетировать!

– Ну, это не так важно! Я думаю, что лучшего репетитора вам и не нужно. Сёмка после первых же уроков с ним сразу так подтянулся, что получает одни пятерки. Если бы он согласился репетитовать с вами обоими...

– Ишь ты, мамочка! Ты собираешься, кажется, заключить слишком уж выгодную сделку!.. Ты забываешь, что он – нищий студент, живущий уроками... У него каждая минута рассчитана.

Сарра чувствует, что дочь права. Но, конечно, она ей этого не скажет.

– За весь мир ты готова заступиться, только не за свою собственную мать!.. Не велика беда, если какой-то студент потратит лишнюю минуту. Тебе-то что? Если бы он согласился, я бы за уроки давала ему квартиру и стол. Обедал бы он вместе с нами...

– Конечно, – говорит Бетти. – Мало того, что он из своей комнаты ежедневно слышит, как ты ссоришься с папой...

– Я ссорюсь с папой?

– А кто же, я? Кого папа вечно величает душой, пробкой, дубиной?...

– Бетти, замолчи сию же минуту! И вообще молчи!

– Навсегда? – спрашивает Бетти. – Ты хочешь, чтобы я онемела или умерла?

– Что это за напасть на мою голову? – заламывает руки Сарра. – Я хочу, чтобы она умерла! Видали вы такую историю? Откуси себе язычок, доченька моя! Невозможно стало говорить! И слова не скажи!

В голосе Сарры звучат слезы.

Бетти сразу смягчается:

– Мамочка, ну чего же ты хочешь?

– Я уж ничего не хочу! Кончено!

Сарра сердится и не желает разговаривать. Но дочь начинает к ней ласкаться, как кошечка, и в конце концов обе начинают смеяться.

– Так ты поговоришь? – спрашивает Сарра.

– О чем?

– Как о чем? Ты уже забыла? Да со студентом же насчет репетиторства. Мои условия: квартира и стол...

– Ладно, скажу! Но пусть он раньше сам как-нибудь покончит со своими делами в университете. Сегодня у него решающий день.

– Сегодня?

– Да.

Раздается звонок.

– О, легок на помине! – говорит Бетти, чуть покраснев, и со всех ног бежит к двери.

Глава 7

СУДНЫЙ ДЕНЬ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Был последний день, который должен был решить судьбу евреев, поступающих в университет. Вакансий было очень мало, а претендентов больше ста. Среди них – десятка два медалистов, составляющих обособленную группу. Медалисты выглядели, точно рекруты, да и положение их было не лучше. Кто из них «годен», решал случай.

Наш герой, который, шутки ради, превратился из полноправного дворянина Григория Ивановича Попова в шкловского мещанина Гершку Мовшевича Рабиновича, постепенно входил во вкус «еврейского счастья». Ежедневно приходилось наведываться в канцелярию, встречать то же испитое, бледное лицо секретаря, скрывающего за подчеркнутой вежливостью ненависть к евреям, и выслушивать стереотипное:

– Герш Мовшевич, господин Рабинович? К сожалению, при всем своем желании, все еще не могу вам сообщить ничего хорошего!

Рабинович, конечно, не мог чувствовать во всей полноте то, что испытывали его коллеги – настоящие евреи, блуждающие, как неприкаянные тени, по длинным коридорам с высокими окнами. Что-то говорят их перепуганные лица. Что-то выражает блуждающий взгляд их грустных еврейских глаз. Рабинович еще не понимал всего этого. Если бы он

мог понять, он прочел бы почти на каждом еврейском лице глубокую трагедию. Трагедию человека, которого всю жизнь поджаривали на медленном огне нищеты, одиночества, нужды, расовой ненависти и всяческих унижений и оскорблений.

С двумя из этих «новобранцев» Рабинович успел познакомиться: Тумаркиным и Лапидусом.

С Тумаркиным Рабинович столкнулся несколько дней тому назад на университетском дворе. Тумаркин сразу привлек внимание нашего героя своей жизнерадостностью, подвижностью и разговорчивостью. На его бледном лице постоянно блуждает улыбка. Глаза, хоть и подернутые флером печали, смеются. Черные блестящие волосы вьются, как у барашка. Прибавьте к этому нос с горбинкой, сутулые плечи, бумажную манишку, поблекший галстук, поношенный костюм, стоптанные башмаки и полинявшую шляпу – и перед вами окажется точный портрет этой трагикомической фигуры.

В первую минуту Рабинович принял Тумаркина за Иоську-папиросника, которого он знал в своем городе.

Увидев, что на него пристально глядят, кандидат подошел к Рабиновичу, протянул ему длинную руку и отрекомендовался:

– Тумаркин!

– Рабинович!

Услыхав фамилию своего нового знакомого, Тумаркин

обрадовался и заговорил по-еврейски:

– Наш брат! Привет! Откуда вы? Сколько вы имеете? Сколько вам не хватает? И который вы в очереди?

– Извините! – сказал Рабинович. – Вы говорите на языке, которого я, к сожалению, не понимаю.

Тумаркин от неожиданности даже отскочил.

– Но ведь вы...

– Еврей? Ну, понятно! Если бы я не был евреем, что же я стал бы тут делать? Уж я бы давным-давно был там...

Рабинович указал рукой на лестницу, по которой шагали принятые счастливицы.

Пришлось сочинить историю о том, что учился он в русском городе, вдали от родительского дома, еврейского языка вообще не изучал, а что знал с детства – позабыл.

Появившуюся при этом краску на лице Рабиновича Тумаркин истолковал как краску стыда.

Он стал утешать Рабиновича: нечего стыдиться! Куда только судьба не забрасывает евреев? И в конце концов, так ли уж это важно? Главное в том, что он еврей, а умеет ли он говорить по-еврейски или нет... Глупости! Тумаркин ясно представляет себе, как это могло случиться. Наверно, Рабинович родился в русском городе, воспитывался среди русских и, по-видимому, без родителей. Очевидно, что, кроме имени, Рабиновича вообще ничто не связывает с еврейством...

– И все-таки, – прибавил Тумаркин, – я ставлю вас гораздо

выше тех, которые не могут устоять перед соблазном и уходят от угнетённых к угнетателям. О, этих я ненавижу! Вот, взгляните на того молодчика с тросточкой. Его фамилия – Лapidус. Это один из тех презренных трусов, которые удирают при первом намёке на опасность! Они готовы продавать свою совесть, своих братьев оптом и в розницу за чечевичную похлебку, ради карьеры... Тише! Он идет сюда, к вам, очевидно. Вы знакомы с ним? Я бы вам советовал с ним не сближаться... Потому что он не только ренегат, но, кажется, и от провокации не так уж далёк.

Глава 8

ЛАПИДУС

Тумаркин ушел, а на его месте перед Рабиновичем выросла фигура Лапидуса с тросточкой.

– Что у вас хорошего, Рабинович? Новостей нет? А вы знаете, я слышал, что с пятью двенадцатыми никто не пройдет... О чем с вами говорил этот фанатик?

– Какой фанатик?

– А вот этот черный кот?... Видеть не могу этих сионистов!

– Что вы, собственно, имеете против сионистов? – спросил Рабинович, и сам порядком не знавший, что собою представляют «сионисты».

– Вы их не знаете? Вам неизвестно, что это заклятые шовинисты, не терпящие инакомыслящих?

Хотя знакомство между обоими молодыми людьми состоялось совсем недавно, да и то мимоходом, Лапидус по-приятельски ухватил Рабиновича за пуговицу и начал костить Тумаркина со всеми сионистами вкупе:

– Терпеть не могу этих ханжей! Заступники еврейского Господа Бога! Какое им дело до того, что несколько евреев приняли православие, чтобы не мотаться больше, как вот мы с вами? С какой стати, во имя чего мы страдаем? Я и вы? И? И доколе, собственно, мы будем болтаться, я и вы? И?

Вылощен, прилизан. Одет с иголки. Голубые глазки. Приподнятые брови. Рыжая заостренная бородка. Белые зубки. Хорошо смазанный язычок... И это «И?», заменяющее вопросительное «А?». Вот весь Лapidус.

* * *

В это утро Лapidус вообще был скверно настроен и искал, на ком бы сорвать свою злобу. Он был рад, что подвернулся Тумаркин. Но, в сущности, Лapidус не был сердит на Тумаркина, ни даже на сионистов, которые ему ничего не сделали, – злоба его исходила из другого источника и имела, конечно, свои причины, Во-первых, почему у него нет медали? Во-вторых, почему его не принимают в университет? И, наконец, в-третьих, почему он должен креститься и не может этого сделать из-за своей матери? Его мать не вынесет такого удара, он в этом убежден. И... все же он вынужден будет это сделать! Лapidус чувствовал потребность излить перед кем-нибудь свою душу и наскочил на Рабиновича, который ему нравился тем, что он хоть и еврей, но не имеет еврейской повадки влезать в душу ближнего.

– Вам хорошо, Рабинович, у вас золотая медаль, и вы уверены, что вас примут в университет, а вот побывали бы вы в моей шкуре... У меня на иждивении старуха-мать и сестра. Обе они живут единственной надеждой на то, что я окончу университет и буду врачом. А пока приходится жить толь-

ко заработком, который дают мне уроки в богатой русской семье, да и то по секрету от гимназии. Если там узнают об этом, все мое благополучие рухнет! Я не знаю, смог ли бы кто другой на моем месте, хотя бы тот же Тумаркин, долго выдержать и не принять христианства, и кто смеет упрекнуть его за это? Как вы думаете? И?

Рабинович и сам не знал, как он думает. Он глядел удивленными глазами на всех этих Лапидусов и Тумаркиных и никак не мог понять: чего они все так гонятся за золотой медалью и стремятся в университет? Да они ли одни? Ведь вот его квартирная хозяйка тоже бредит все той же медалью. Неужели у них у всех нет других стремлений и чаяний? Рабинович вспоминает, что когда он еще был Поповым, у него о евреях было представление как о людях, мечтающих только о деньгах...

Вдруг вся толпа кандидатов пришла в движение и потянулась в канцелярию. Пришел секретарь. Сегодня он должен сообщить всем евреям об их судьбе.

В тесную комнату канцелярии набилось больше ста человек. Рабинович оказался одним из последних в очереди, и секретарь с испитым лицом, опустивши глаза, спросил сухо:

– Фамилия?

– Рабинович!

Секретарь покопался в стопе бумаг и спросил подчеркнутым:

– Рабинович, Гершко Мовшевич? Вы хотите сейчас взять

свои бумаги или получить их через полицию?

– То есть... как? – изумился Рабинович.

Секретарь сделал такое лицо, будто хотел сказать: «Чего от меня хотят эти несносные евреи?» – и с удвоенной любезностью объяснил Рабиновичу, что он может получить обратно свои бумаги, так как до его номера не дошло: прием евреев за покрытием процентной нормы закончен.

– Вы наконец поняли меня, господин Герш Мовшевич Рабинович?

Не получив ответа, секретарь обратился к следующему:

– Фамилия?

А Рабиновичу бросил мимоходом:

– Можете идти. Документы вам будут возвращены через полицию...

Глава 9

ТРИНАДЦАТЬ МЕДАЛИСТОВ

В первую минуту Рабинович почувствовал себя как-то странно... Он еще не успел разобраться в своих ощущениях. Выходя из канцелярии, он встретился со своими новыми знакомцами: сначала с вылощенным Лapidусом, а затем – с Тумаркиным.

– Ну? – остановил Рабиновича фронт и заглянул в его глаза с усмешкой. – Что я вам говорил? И?... Оч-чень нужно было восемь лет подряд добиваться медали! Не-ет! Я поступлю иначе! Я с ними посчитаюсь. Лопнут они, а в университет я все-таки попаду!.. И возможно, что благодаря мне примут еще одного еврея? Может быть, именно вас, Рабинович, Как вы думаете? И?

Видя, что Рабинович никак не может понять, каким образом он, благодаря своему коллеге, попадет в университет, Лapidус ухватил его за пуговицу и начал подробно излагать теорию процентной нормы. Суть этой «теории» сводилась к следующему. На каждых девять человек русских, поступающих в университет, приходится один еврей. Он, Лapidус, узнал, что есть еще поступающая группа из восьми русских. Если к ней прибавить девятого русского, то откроется вакансия для одного еврея...

Так вот Лapidус и намерен стать этим «девятым» с тем,

чтобы Рабинович был десятым...

Комбинация эта до того понравилась самому изобретателю, что он от радости даже хлопнул себя по лбу, желая показать, что у него есть голова на плечах.

– Ловко, не правда ли? И? – спросил он Рабиновича, но не получил ответа, так как тот не расслышал ни одного слова из всей этой тирады. Его внимание было отвлечено Тумаркиным, стоявшим в другой группе и делавшим Рабиновичу знаки глазами.

Рабинович извинился перед Лapidусом и подошел к Тумаркину.

– Вот вам еще одна жертва! – сказал Тумаркин. – Тоже медалист! Прошу любить и жаловать! Горячий еврей, хоть и не понимающий ни одного слова по-еврейски, несмотря на свою фамилию – Рабинович!

– Феномен! – отозвался один из компании, юноша из Пинска, с умным, энергичным и угреватым лицом, в белом летнем костюме, который не подходил ни к лицу, ни к сезону. – Еврея по фамилии Рабинович, не знающего языка, можно, по-моему, показывать за деньги! Ибо где же вы видали среди ста тридцати миллионов русских хотя бы одного по фамилии, скажем, Попов, который не понимал бы по-русски? Разве глухонемого от рождения!..

Его остроумие, однако, было впустую, так как публике было не до шуток; мысли были заняты университетом.

Только один слушатель заметил шутку пинского парня. То

был Рабинович. С чего это парню вздумалось приводить в пример именно фамилию Попова, а не Иванова или Сидорова?...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.